

Если в душе Цзи Хуая бушевало смятение, а на лице читалась явная досада, то Цзи Ло являл собой образец абсолютного бесстрастия — как внешне, так и внутренне.

Оба они предпочли умолчать о недавней встрече в трактире.

Неторопливо отпивая чай, Хан Сиэнь разглядывал гостя. Словно глухая стена — в мыслях Цзи Ло по-прежнему царила абсолютная, непроницаемая тишина.

Внезапно Сиэню вспомнились слова, когда-то давно, ещё в приюте, случайно подслушанные у взрослых. Сама фраза стёрлась из памяти, но суть он помнил отлично: за каждым человеком с сильным духом всегда кроется история. Длинная или короткая, полная горьких слёз или редкой радости, но именно она закаляет душу, делает её твердой как камень, сильной и неуязвимой. Возможно, Цзи Ло был как раз из таких людей.

За молчаливой беседой незаметно опустел чайник. Сметливая служанка тут же бесшумно подошла и обновила заварку.

Вглядевшись в лицо служанки, Цзи Хуай нахмурился — девица показалась ему знакомой. Кажется, именно она часто прислуживала его бабке, старой госпоже Хань.

Цзи Хуай, хоть и пытался вести собственную игру, в свои четырнадцать лет ещё не умел безупречно владеть лицом. Малейшее замешательство, отразившееся на его лице, мгновенно уловили и Хан Сиэнь, и Цзи Ло.

Цзи Ло скользнул взглядом по девице, затем окинул взором дворик Душистых Орхидей и негромко рассмеялся:

— А у тебя тут, погляжу, каждый уголок так и блестит чистотой. Сразу видно — убирались наспех, вон даже следы от выдернутых сорняков не успели заровнять. Да и слуги на редкость догадливые: наперёд знают, что делать, и приказаний Наследника не ждут. Любопытно же ты живёшь в собственном поместье, кузен.

В этой колкости сквозила очевидная издевка: Наследник герцога в родном доме — пустое место.

Выслушав выпад, Хан Сиэнь и бровью не повёл. Спокойно налив себе чаю и сделав глоток, он размеренно ответил:

— Прежний вид дворика меня вполне устраивал. Но вчера, стоило дойти вести о визите столь высоких гостей, как старая госпожа и господин отец принялись уговаривать меня переехать в другие покои, дабы не ударить в грязь лицом. Я отказался. Им ничего не оставалось, кроме как спешно, за одну ночь, вычистить тут всё до блеска — исключительно ради того, чтобы выказать вам почтение. Что же до служанки... Вы правы, она не из моих людей. Бабушка, должно быть,

испугалась, что мои девки по глупости оскорбят ваши взоры своей неловкостью, вот и прислала свою доверенную служанку.

Служанкой этой была Чэнь Сян, правая рука старой госпожи. Услышав столь откровенные речи, девица смертельно побледнела. Она уже собралась было рухнуть на колени и запричитать, каяться в нерадивости — а заодно тонко выставить виноватым самого Сиэня, мол, Наследник брезгует подарками бабушки. Так она надеялась и себя выгородить, и уберечь лицо хозяйки перед высокими гостями.

Однако не успела она и рта раскрыть, как Хан Сиэнь звучно произнёс:

— Поглядите-ка, девица совсем бледна, да и в глазах слёзы стоят. Видать, занедужила не на шутку. Нечего больной перед их высочествами маячить. Би Хуа! Проводи её, пускай отлежится, а здесь прислуживать будешь ты.

Чэнь Сян опешила, застыв на полпути. Пока она собиралась с мыслями, Би Хуа уже подскочила, крепко взяла её под локоть и, отвесив вежливый поклон гостям, быстро увлекла несчастную прочь.

Цзи Хуай, наконец оправившись от удивления, вызванного неожиданной разговорчивостью брата, нахмурился и недовольно спросил Сиэня:

— Ты что же, смеешь выказывать непочтение к бабушке? Она из милости прислала тебе лучшую служанку, а ты нос воротишь?

Тот лишь удивленно приподнял бровь:

— С чего бы вам это вздумалось, пятый принц?

Цзи Ло тихонько хмыкнул, одарив младшего брата жалостливым взглядом, словно дурачка, и без стеснения осадил его:

— Понимаю твою заботу о бабушке, братец, но не нужно вешать на Сиэня всех собак подряд. Если служанка занемогла, а Наследник из сострадания велел ей отдохнуть, разве это грех? Коли за такое простое проявление милосердия его обвиняют в непочтении, то дела Сиэня в этом доме совсем плохи.

От приторно-ласкового «кузен Сиэнь» у самого виновника разговора аж зубы заломило. Они ведь толком и знакомы-то не были! Умение Цзи Ло приспосабливаться к обстоятельствам вызывало невольное уважение.

Получив столь резкий отпор, Цзи Хуай растерялся. С третьим братом они общались мало, но все знали его как нелюдимого молчуна. Вечный изгой, не знающий отцовской ласки, за

которого и заступиться-то некому — во дворце его и в грош не ставили.

И надо же — этот забитый тихоня вдруг расправил плечи и прилюдно, с железной логикой, размазал его по стенке! Да ещё и уличил в слепой предвзятости к собственной родне. На мгновение Цзи Хуай впал в полное оцепенение.

Глядя на растерянного брата, Цзи Ло оставался совершенно равнодушен. Для него Цзи Хуай был всего лишь капризным барчуком, выросшим в теплице и не знающим, как коварна людская природа. По крайней мере, на фоне своей амбициозной и безжалостной матушки этот малый казался верхом невинности.

Хотя именно безумная жажда власти этой женщины рано или поздно втянет её сына в кровавую грызню за престол.

Цзи Ло помнил, как в прошлой жизни Цзи Хуай взял в жёны Хань Цинсюэ, старшую дочь из законной ветви дома Хань. Жили они дружно и ладно, да только потом семейство Хань покатило по наклонной, растеряв последние крохи репутации. А когда Хан Сиэнь наложил на себя руки, Добродетельная наложница Хань без тени сомнения заживо сжила невестку со свету. Цинсюэ умерла в муках, будучи на последних месяцах беременности.

Цзи Хуай узнал обо всем слишком поздно. Он прижимал к груди остывающее тело жены, пачкая руки в чужой крови, а в его глазах застыло бесконечное, дикое отчаяние.

Воспоминания оставили лишь горькое послевкусие. Нынешний Цзи Хуай, ещё не знающий горя глупец, не годился ему даже в соперники.

Куда сильнее его интриговал Хан Сиэнь. В прошлой жизни их пути почти не пересекались. Но теперь, пристально вглядываясь в лицо юноши, Цзи Ло тщетно пытался разглядеть в нём того безумца, который однажды утопит всё поместье в крови.

Впрочем, для долгих бесед время ещё не пришло. Цзи Ло бросил взгляд на небо и поднялся:

— Отец-император велел нам навестить больного кузена. Видя, что ты идёшь на поправку, мы с пятым братом можем со спокойной душой возвращаться во дворец.

Он нарочно подчеркнул, что они прибыли с личным поручением государя. Пусть домашние знают, на чьей стороне монаршая милость, и впредь ведут себя с наследником потише.

Услышав это, Цзи Хуай тоже поспешил подняться.

Ему до смерти надоели и угрюмый хозяин, и сам дворик Душистых Орхидей. Стоило вспомнить искалеченную няню Дун, которая сидела у ворот под надзором слуг, как по коже пробежал мороз. Ведь это Сиэнь лично, собственными руками пролил ту кровь.

Удерживать высоких гостей никто не стал. Хан Сиэнь, не утруждая себя лишней вежливостью, сухо кашлянул и сослался на то, что всё ещё слаб и боится заразить их высочества, так что провожать до ворот не пойдёт.

Цзи Хуай лишь мысленно выругался: «Если так боялся заразить, нечего было вообще звать!» Однако вслух сказать ничего не решился, лишь выдавил фальшивую улыбку и неопределённо хмыкнул.

В отличие от нелюдимого Сиэня, старшее поколение дома Хань приличия блюло свято. Прознав об уходе гостей, герцог Хан Чжо и его брат Хан Шу тут же поспешили навстречу, наперебой уговаривая принцев остаться на обед.

Цзи Ло вежливо, но твёрдо повторил отговорку про неотложный доклад императору и направился к выходу.

Заметив это, Цзи Хуай замялся и негромко произнёс:

— Третий брат, наша бабушка уже в годах, да и здоровье её в последнее время пошаливает, лекарям приходится то и дело дежурить у её постели. Мне, как внуку, не мешало бы засвидетельствовать ей почтение перед возвращением во дворец.

Цзи Ло обернулся, мягко улыбнулся и благосклонно кивнул:

— Твоя сыновняя почтительность делает тебе честь, братец. Препятствовать не стану, ступай.

И, развернувшись, он уверенным шагом направился напрямик к воротам усадьбы, оставив растерянных хозяев переглядываться в полном недоумении.

Цзи Хуай так и застыл с открытым ртом, едва сдерживая желание выругаться в голос. Ведь по всем правилам приличия Цзи Ло должен был пойти вместе с ним! «Один в один кузен Сиэнь, такой же невыносимый упрямец!» — зло подумал он.

Раз уж старший брат ушёл, у самого Цзи Хуая тоже пропало всякое желание тащиться к старухе. Наскоро обменявшись вежливыми фразами с Хан Чжо и Хан Шу, он бросился догонять брата.

Проводив взглядом карету принцев, Хан Чжо нахмурился, погрузившись в мрачные думы.

Узнав, что принцы уехали, даже не заглянув к ней, старая госпожа Хань пришла в ярость. Её лицо исказилось от злобы, и она вдребезги расшибла о пол дорогой фарфоровый сервиз. От гнева у неё и впрямь зашло сердце.

Вдобавок при этой сцене присутствовали невестки всех трёх ветвей семейства. Чувствуя себя опозоренной перед ними, старуха принялась совать нос во все дела и срывать злость на ни в чём не повинных женщинах по самым ничтожным поводам. Больше всех досталось мачехе Сизня, госпоже Лю — на неё обрушился целый град несправедливых упрёков, так что бедняжка разрыдалась прямо на месте.

Стоявшая поодаль тётушка Хан Сю предпочла благоразумно промолчать.

В душе она лишь презирала мать за эти глупые истерики. Нашли из-за чего убиваться! Принцы вольны поступать как знают. Захотели — уважили титулованную госпожу первого ранга визитом, не захотели — проехали мимо, их право. Какой толк теперь бить посуду?

Когда же до старухи дошли слухи о том, как ловко внук выставил её соглядатая из дворика Душистых Орхидей, её месть не заставила себя ждать. Уже к вечеру Чэнь Сян под конвоем отправили обратно.

Сопровождавшая её матушка Ван процедила сквозь зубы ядовитые слова старой госпожи: мол, раз уж молодому господину претит прислуживание бабушкиных девок, то пускай Чэнь Сян отныне и до скончания веков числится в его штате. Назад её никто не примет.

Хан Сизнь выслушал эту тираду без тени недовольства. Напротив, он широко улыбнулся и ласково ответил:

— Передай бабушке мою глубочайшую благодарность. Чэнь Сян останется у меня. Как раз искал, кого бы приставить двор подметать, а тут такой подарок.

Матушка Ван от злости побагровела, но спорить не решилась — лишь круто развернулась и молча вымелась вон.

Так избалованная Чэнь Сян сделалась обычной прислужницей для грязной работы во дворике Душистых Орхидей.

И какие бы вести ни принесли императору вернувшиеся сыновья, жизнь Хан Сизня в поместье текла своим чередом, спокойная и размеренная.

Однако в глазах столичного света юноша мгновенно вырос в цене. Все решили, что он снискал личное расположение государя, а значит, следовало при случае выразить ему почтение. В крайнем случае — ни в коем случае не переходить дорогу.

Первым, по своему обыкновению пренебрегая условностями, вызвался уездный князь Юн. Через неделю в его резиденции намечалось пышное празднество. Наследник уездного князя Юна лично, собственной рукой, вывел на изящной бумаге приглашение для Хан Сизня.

Принимая это приглашение из рук отца, Хан Сиэнь испытал странное, почти позабытое любопытство. Ведь его, изгоя в собственной семье, впервые в жизни звали на светский раут.

Хан Чжо пытливо вглядывался в лицо сына:

— Раны твои ещё не затянулись до конца. Если нет желания ехать, скажи — я сам отошлю отказ. И плевать на обиду князя.

Он разыгрывал эту сцену с таким пафосом, словно ради благополучия отпрыска готов был бросить вызов всей Поднебесной.

Сиэнь спрятал письмо в рукав и посмотрел на отца с едва заметной усмешкой:

— Ни к чему. Я поеду.

Хан Чжо на мгновение растерялся, но тут же благосклонно кивнул:

— Что ж, и правильно. Прогулка пойдёт тебе на пользу.

В этот миг Сиэня до тошноты утомила фальшивая забота на лице отца. Какая мерзость — разыгрывать эту семейную идиллию. Может, пора сорвать маски и покончить с этим балаганом? Или всё же дожидаться возвращения Хан Минчжу?

«Какая, впрочем, разница», — равнодушно подумал он.

<http://bllate.org/book/20088/2001977>